

8 п
Г-52

А. К. ГЛАДКИЙ

Сотрудник - корреспондент Пушкинского Дома при
Российской Академии Наук по Псковской губернии

Новое о Пушкине

(к 125-летнему юбилею со дня рождения А. С. Пушкина и 100-летия со дня ссылки поэта в с. Михайловское, Псковской губернии)

Издание УЧСОВСОДА 2 с.-з. ж. д.

1924

Предисловие.

Настоящая работа представляет собой популярный критико-библиографический очерк о вышедших за последние годы печатных работах, а, главным образом, о новоизданных трудах Пушкинского Дома при Российской Академии Наук, в которых опубликованы новые материалы о Пушкине и Пушкинской эпохе. Эти труды имеют весьма важное историко-литературное значение и, вместе с тем, очень близкое отношение к родным для поэта Пушкина местам, находящимся в пределах Псковской губернии.

Попутно с сообщением о новых материалах по пушкиноведению, автором приводятся и уже известные, опубликованные в печати сведения и данные, касающиеся событий и фактов из жизни, дуэли и смерти Пушкина. Эти подробности и детали казались мне необходимыми, чтобы яснее обрисовать и чрез это воскресить в возможной полноте, освежить в нашем сознании отошедший в даль целого слишком века обаятельный духовный облик гениального поэта и восстановить полнее социально-политическую кон'юнктуру (обстановку), среди которой он жил и творил, а также нарисовать семейно-общественные взаимоотношения, приведшие поэта к роковой развязке и катастрофе.

Считаю долгом выразить мою глубокую благодарность и искреннюю признательность и.д. Директора Пушкинского Дома, члену-корреспонденту Академии Наук Б. Л. Модзалевскому за ценные указания и сообщения, которые им были даны при выполнении настоящей работы.

Ободренный сочувственным вниманием общества к моей работе „Пушкинский уголок в

Типография „СПАРТАК“.

Псковской губернии“, изданной мною в 1922 году по поводу 85-летнего юбилея со дня смерти поэта Пушкина, а также лестными отзывами об этой работе моих рецензентов, в частности одного из видных пушкинистов и тонкого знатока творчества Пушкина и Пушкинской эпохи Н. О. Лернера (см. журнал „Книга и Революция“, 1923, кн. IX—X), автор смеет надеяться на такое же сочувствие и внимание и к настоящей работе, хотя он, выражаясь словами древнего мудреца Сенеки, желает только: „Nos ipsum plane tibi approbare, vellem, omnia me illa sentire, quae dicerem, nec tantum sentire, sed amare“ (пусть тебе, (читатель), понравится хоть одно: что то, что я высказал, я чувствовал и не только чувствовал, но и любил).

Автор.

*„Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет.“*

Ф. Тютчев.

Эти пророческие слова, сказанные о Пушкине русским поэтом-певцом природы, сбываются и являются речительством за то, что личность великого поэта земли русской и все, что связано с его именем и эпохой, в которую он жил и творил, никогда не перестанут занимать умы русского общества. Ведь, Пушкин—наш первый русский самобытный и гениальный поэт, окончательно сбросивший оковы подражательного направления западно-европейским образцам, которое господствовало долгое время в русской литературе и сковывало полет художественного творчества, и открывший свободную дорогу русской литературе и поэзии, так что о его произведениях можно было сказать: „там русский дух, там Русью пахнет.“ Пушкин—наш первый народный поэт, выразитель в литературе русского национального духовного склада, типичный представитель русского народного характера, с его наиболее яркими особенностями. „В нем русская природа, русский язык, русский характер, — говорит Н. В. Гоголь, — отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт (вид, изображение) на выпуклой поверхности оптического (светового) стекла.“¹⁾ Пушкин сделал то, что до него никто не сделал: он перенес Россию в литературу. Он открыл в ней, в этой России, в ее природе, в ее людях, в ее прошлом, во всей ее жизни свою особенную красоту, притягательную и дорогую

¹⁾ Н. В. Гоголь. Несколько слов о Пушкине. Соч. т. IX, стр. 227.

для каждого русского человека. Один очень серьезный исследователь творений Пушкина и Пушкинской эпохи в таких словах определяет значение Пушкина для русской литературы: „Солнце русской поэзии — Пушкин, крупнейший выразитель русского народного духа, именем своим отметивший целую эпоху родной литературы, никогда не перестанет занимать умы. Вспомним, что именем Пушкина отмечена великая эпоха русской литературы, и в этой эпохе центральной фигурой является поэт, отразивший в своих творениях русскую жизнь, ответивший на бесчисленные вопросы современности и указавший широкие задачи будущности.“¹⁾ Его влияние на всю русскую литературу так велико, что когда мы рассматриваем то, что было до него и после него, мы как будто видим пред собой два различных мира: все, что было после Пушкина, мы сейчас читаем, как современное и интересное; все, что было до него, почти забыто, или совсем исчезло для нас. Правда, у нас был еще один великий поэт — „печальник горя народного, доли мужицкой, крестьянской“ — Н. А. Некрасов, завоевавший такую славу и любовь русского народа, что на могиле его во время похорон раздавались голоса, что Некрасов — выше Пушкина, но затем вопрос этот разрешился все же в пользу последнего, и пальма первенства осталась за нашим гениальным поэтом Пушкиным. Прекрасное подтверждение и разрешение вопроса о том, кто выше — Пушкин или Некрасов, находим у одного критика-писателя: „Пушкин у нас один, как первая любовь одна. Никого никогда мы так не полюбим. Некрасова мы любим иначе, но кого из них больше, не знаем. Муза Пушкина — наша невеста; муза Некрасова — наша сестра или мать. Бывают минуты, когда мы любим сестру или мать больше невесты.“²⁾

¹⁾ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. 1903 г.

²⁾ Д. Мережковский. Две тайны русской поэзии. 1915 г., стр. 34.

Единственно, казалось бы, за что можно бросить упрек и обвинение Пушкину — это за его классовое происхождение (он был сыном дворянина-помещика), и за то, что поэт, в качестве общественного мыслителя, стоял на уровне своего века, будучи не в силах возвыситься над классовой психологией своей среды. Но в этом случае достаточно сослаться на слова тонкого знатока и ценителя литературы, наркома А. В. Луначарского, который снимает с Пушкина этот горький упрек, это жестокое обвинение. „Если раньше, — говорит он, — можно было относиться к Пушкинской поэзии, как к своего рода „дворянской“ забаве, приятной, но не имеющей большого социального значения, то теперь это время прошло и, вероятно, безвозвратно. Теперь мы ценим Пушкина не только за „пленительную сладость“ его стихов. Вдумываясь в него, мы открыли в этой на вид до поверхностности счастливой натуре глубинные мысли и переживания, зародыши всех почти важнейших мотивов, которые развернула потом русская литература, целый ряд проблем, над которыми мы еще и сейчас можем биться, получая определенные стимулы от Пушкина. Знаем мы теперь уже твердо, что счастливый Пушкин — это легенда. Нет, мы знаем, что страшная тень царя пала на дорогу Пушкина, и что он так и не смог выйти из нее, что он жил во внутреннем смятении и умер несказанно трагической смертью, и что боль, которую он сдерживал, тем не менее кровавыми жилками протянулась по тому бокалу золотой и кипящей жизни, который он протянул векам.“¹⁾

Поэт искупил вину пред народом своей ссылкой в разные места России, своим заточением в с. Михайловском, Псковской губернии, где он пробыл два года, а затем, будучи вызван в 1826 г. в Москву, сделался по воле Николая I свободным, но поднадзорным, каким и остался до

¹⁾ А. В. Луначарский. Пушкин и Некрасов.

конца своей жизни, и тень этого царя преследовала его уже до самой могилы. Мало того, полицейский надзор за Пушкиным, как увидим дальше, снят был, по забывчивости правительства, много десятилетий спустя после смерти поэта.

Наконец, Пушкин любил простой народ и его поэзию. Эту любовь к произведениям народного творчества воспитала в нем еще с детства знаменитая его няня Арина Родионовна, чья память дорога всей России, так как это она хранила жизнь поэта и рассказывала курчавому мальчику русские сказки, приводившие в восторг ее наперсника. Особенно влияние старушки-няни сказалось, когда Пушкин жил вместе с нею в заточении в родном ему Михайловском известные два года в уединении. Она являлась для него тогда единственной подругой, второй матерью. Действительно, в тяжелой жизни поэта, перенесшего много огорчений, обид и испытаний, всегда, с самого раннего детства и до кончины, неизменно было одно светлое пятнышко, одна радость — это его милая старушка-няня.¹⁾ Эти сказки няни

¹⁾ Во многих стихах поэт обессмертил свою Арину Родионовну, — говорит критик Айхенвальд, — и во многих поэтических созданиях чувствуется эта нежная любовь к „подруге дней его суровых“, дряхлой старушке-няне, но нигде не воздвиг ей такого памятника, как в этой навеки запечатлевшейся для нас картине в романе „Евгений Онегин“, потому что, ведь, это „его“ няня сидит с платком на голове седой, в длинной телогрейке, и в тишине, при вдохновительной луне, слушает мало понятную ей исповедь влюбленной Тани. Она забыла уже, старушка, что такое любовь и влюбленность, и даже в юности не знала она про это, как следует, иначе ее согнала бы со света покойница-свекровь. Она венчалась без любви, когда ей было 13 лет; и эту психологию, эти старые правды, этот мелькнувший облик няниной биографии Пушкин также понимает и принимает, как и совершенно другую психологию, — эту девушку с бледной красотой, с распущенными волосами, ее, для которой в мире только и есть, что любовь, и которая с ужасом спрашивает не любившую никогда Филипповну: „Да как же ты венчалась, няня!“ И няня хочет окропить Татьяну водой и крестит ее дряхлой рукой, и этим думает исцелить ее от нездоровья; старушка спуталась, мало помнит и

глубоко западали в душу поэта, будили в ней русские народные струны и создали из Пушкина впоследствии истинного выразителя народных чувств и мыслей. Сказками няни поэт воспользовался, придав им художественную форму, но сохранив с замечательным мастерством дух народной поэзии и яркий народный язык. К числу таких сказок Пушкина принадлежат: „Жених“, „Сказка о рыбаке и рыбке“, „Сказка о царе Салтане“, „О мертвой царевне“ и др. Неоконченной осталась замечательная сказка „О медведице“, принадлежащая к самым ярким проявлениям народности в творчестве Пушкина. Кроме сказок, Пушкин подражал и народным песням; к числу таких подражаний принадлежат: „Во лесах дремучих“, „Один-то был у отца, у матери единый сын“ и др. Яркие черты народности отразились также и в таких стихотворениях, как „Бесы“, „Утопленник“ и др. В результате увлечения Пушкина народным творчеством явился также целый сборничек народных песен, которых записано поэтом было до 50, каковой сборничек был передан известному собирателю произведений народной поэзии П. Киреевскому. В Пушкинских местах до сих пор свежо предание о Пушкине, как добром и доступном человеке, и о том, что простой народ любил Пушкина, и поэт пользовался среди крестьянства большой известностью. Будучи убежденным сторонником всяких свобод и раскрепощения русского мужика и являясь помещиком только по имени, Пушкин сам лично освободил своих крепостных и наделил их землею. Поэт, далее, старался сблизиться с народом, вмешивался постоянно в крестьянскую толпу. Одетый в армяк и косоворотку, он являлся часто на ярмарки и особенно любил ходить по колесному ряду, где слушал присказки и песни. Водился с нищими

понимает и, вынянчившая Таню, он никак не может сообразить, что Таня — уже не дитя.“ (Ю. Айхенвальд. Пушкин. Москва, 1917 г. стр. 123—124.)

и левал с ними вместе про Лазаря, так что однажды „за такое нарушение общественной тишины и спокойствия“ был арестован. Также просто и незатейливо вел себя Пушкин, когда приезжал по делам во Псков: бывал на базарной площади в простом мужицком костюме, вмешивался в толпу, вел беседы с крестьянами и даже играл на улице с городскими мальчишками.¹⁾

Только безграничной любовью Пушкина к России и русскому народу возможно объяснить то, что поэт отказался пойти по высокой лестнице почестей и власти (хотя некоторые из его товарищей занимали посты министров), а предпочел скромную роль писателя и очень рано, с 1820 г., вступил на путь борьбы с правительством своими вольнодумными стихотворениями, чем и возбудил его негодование, и Пушкину грозила ссылка в Сибирь или Соловецкий монастырь, но, благодаря заступничеству Жуковского и Карамзина, наказание было смягчено, и он был выслан на юг, а оттуда в с. Михайловское. Можно с уверенностью утверждать, что из-за любви к России и русскому народу Пушкин принес в жертву свою молодую жизнь (он умер 37 лет), так как, несомненно, он не был бы убит на дуэли, если бы занимал какое либо высокое общественное положение, но он, повторяем, предпочел скитальчество, изгнание, ссылку и пал от руки убийцы, будучи сражен пулей неизвестного французского офицера Дантеса.

Если, таким образом, поэт Пушкин и не был активным революционером, борцом с оружием в руках за освобождение народа, то он, подобно другому поэту — народнику Некрасову, боролся за эту свободу духовным мечом: путем „острого“ слова будил спящую совесть, пробуждая добрые чувства, „глаголом (словом) жег сердца людей,“ указывая пути к свободе, добру и правде.

¹⁾ Подробно об этом см. нашу книжку: „Пушкинский уголок в Псковской губернии. Псков. 1922. г.“

В заключение, для полного оправдания Пушкина за его классовое происхождение, которое он испустил своего жизнью и смертью, сошлемся на слова уже упомянутого нами пушкиниста Н. О. Лернера: „соблюдая историческую перспективу, — говорит он, — мы, конечно, не должны ни в чем обвинять поэта. Не в силах возвыситься над классовой психикой своей среды и пытаюсь дать идеологическое обоснование своему классовому сознанию, он впадал в этих попытках в противоречия со своей совестью; он упорно трудился ищущей мыслью и, конечно, страдал, не находя примирения с самим собою. Эти страдания сильно осложнили и запутали душевную драму Пушкина и влили немало яда в ту горькую чашу, которую пришлось испытать ему в конце своей жизни, и в которой последней и, быть может, наименее жгучей каплей была пуля Дантеса.“¹⁾

Если так велик и дорог поэт Пушкин с его удивительным гением, на все отозвавшимся сердцем своим, так что „ничего не оставлено им под солнцем живых без привета,“ — для всей России, для каждого русского человека, то особенно он дорог, близок и должен почитаться родным для псковичей: ведь Пушкин — наш земляк, наш поэт, в разных местах своих бессмертных творений писавший о Псковской губернии — „теплице его юных дней.“ Имя его тесно связано со Псковом и пределами Псковской губернии: Пушкин много раз посещал губернский центр, где до сих пор на главной улице сохранился дом, в котором останавливался и временно проживал поэт. Сохранилась в полуразрушенном виде в бывшем кремле беседка, называемая Пушкинской, находящаяся на возвышении, при слиянии р. Великой и Псковы, откуда поэт любовался рекой и чудными картинами природы, открывавшимися пред его взором. Наконец, и что важнее всего, в пре-

¹⁾ Н. О. Лернер. Проза Пушкина. Издательство „Книга“. 1923 г. стр. 92.

делах Псковской губернии, в Опочечком уезде, находится драгоценный „Пушкинский уголок“, где на кладбище Святогорского монастыря покоится прах поэта, его родственников и близких друзей, куда стекаются тысячи русских и иностранных путешественников, чтобы почтить память писателя и ознакомиться на месте со всем, что связано с именем Пушкина. В 2—3 верстах от Святогорского монастыря находится с. Михайловское, принадлежавшее родителям поэта, в котором временно проживал, затем был сослан, а после ссылки часто посещал Пушкин. Наконец, в 2 верстах от Михайловского находится с. Тригорское, где поэт провел „дни лучшие молодости своей“. По пути в Тригорское лежит пог. Воронич, где на кладбище поэт писал своего „Бориса Годунова“, и там похоронены знакомые и друзья поэта. Прав, поэтому, один местный популярный пролетарский поэт — большой поклонник Пушкина и его ближайший земляк (опочанин)¹⁾, когда на шутки ленинградских друзей своих по поводу своего „скобарьского“ происхождения, с гордостью подчеркивал, что „псковичи-скобари“ имеют одного великого „скобаря“, которого по всей необъятной России изучают в школах, университетах, слушают в операх, декламируют на общественных и семейных вечеринках. Ученые академики рылись и роются кропотливо, как кроты, в архивах и музеях для того, чтобы написать многотомные исследования о жизни и творчестве „великого скобаря“. И никогда ни один ученый исследователь не мог написать полно и всеобъемлюще, чтобы ничего не оставить последующему ученому для открытия чегонибудь нового в жизни и творчестве А. С. Пушкина.“

В последние годы, в связи с создавшимися благоприятными условиями для печатного дела, а также в связи с исполненным в 1922 году 85-летним юбилеем со дня смерти поэта и пред-

¹⁾ Никандр Алексеев. А. С. Пушкин.

стоящими в нынешнем году двумя юбилеями, начали появляться неизданные еще сочинения Пушкина, а также труды и исследования о Пушкине и, главным образом, издания Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Среди многих печатных трудов и работ о Пушкине и Пушкинской эпохе самыми интересными и привлекающими внимание читателя являются, конечно, те, которые повествуют нам о жизни, дуэли и трагической смерти великого поэта, и это потому, что „повесть жизни и смерти нашего поэта, — замечает один пушкиновед, — настолько трогательна и талантлива, так значительна и близка нам, что чем подробнее и вернее будет она написана, тем более выиграет родная литература и самый образ великого поэта.“¹⁾ Нам, поэтому, мучительно хочется знать о жизни Пушкина во всех подробностях и мелочах, а также о том, какова была социально-политическая обстановка, среди которой поэт жил и творил, как складывались семейно-общественные отношения, приведшие поэта к необходимости прибегнуть к дуэли, кто являлся виновниками как прямыми, так и косвенными роковой катастрофы и последовавшей за нею смертью поэта. „29 января 1837 года Пушкин погиб жертвою цепи причин, — пишет очень серьезный исследователь Пушкина, нынешний Директор Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский, — которые объясняют на разные лады, заостряя их то в сторону ревности поэта, то в направлении какого-то заговора против него „сфер“, двора и великосветского общества, то в сторону упадка его литературной производительности, разочарования в своих силах, то, наконец, стараясь объяснить роковой вызов и последовавшую смерть сознательным стремлением поэта выйти из тяжелого, безысходного материального положения,

¹⁾ А. С. Поляков. О смерти Пушкина (по новым данным). Труды Пушкинского Дома при Академии Наук. Госиздательство. 1922 г.

пресечь существование, ставшее невыносимым. Несомненно, что ближайшим, непосредственным поводом к дуэли была ревность поэта, а ревность доведена была до бешеной вспышки полученными Пушкиным подлыми, оскорбительнейшими анонимными (безыменными) письмами. Но кто был автор этих писем? Кто был духовный убийца Пушкина, скрывшийся за презренным анонимом и не имевший смелости открыто бросить в лицо бесконечно благостному поэту позорящий упрек, задевавший честь и его жены, и его собственную? Физический убийца — Дантес вышел на поединок при свидетелях, затем пред лицом всего света понес наказание, но кто страдал, как моральный (нравственный) виновник того, что пролилась „поэта праведная кровь“, и что он, „невольник чести“, пал жертвою обстоятельств и случая?“.

Все вышеперечисленные, мучительно волнующие нас вопросы посылно разрешают, на основании новых данных и новых материалов, труды Пушкинского Дома, из коих один озаглавляется: „О смерти Пушкина (по новым данным), а другой труд, являющийся как бы дополнением к первому и вышедший в свет совсем недавно, (в январе этого года), носит заглавие: „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“¹⁾. В первом труде очень важными и ценными являются впервые опубликованные некоторые письма, донесения, исторические справки, записки и проч. Помимо литературного текста, вторая половина труда состоит из примечаний (которых насчитывается 172), исчерпывающих почти всю современную библиографию вопроса о дуэли и смерти Пушкина. Правда, автор этого труда, не скрывая, говорит, что он базируется на громадной важности солид-

¹⁾ А. С. Поляков. О смерти Пушкина (по новым данным). Труды Пушкинского Дома при Академии Наук. 1922 г. и Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Окемана и М. А. Цявловского. Издательство Атеней. 1924 г.

ном труде П. Е. Щеголева: „Дуэль и смерть Пушкина“, каковой труд явился для него как бы канвой, но публикуемые впервые автором данные проливают свет и дают новые пояснения к дуэли Пушкина, или подтверждают нерешительно высказанные П. Е. Щеголевым догадки.

Печатаемые в труде автора документы, бывшие раньше в архиве так называемого III отделения тайной полиции, в настоящее время находятся в рукописном отделении Пушкинского Дома, куда они были переданы по постановлению Российской Академии Наук. В первые дни революции, когда архиву Департамента полиции угрожала опасность быть уничтоженному толпой, Академия Наук, по почину и заботами Пушкинского Дома, получила разрешение от Временного Правительства перевезти документы в свое помещение. Многие были уничтожены, разрушены, сожжены толпой, но архив III отделения и департамента полиции оказался почти нетронутым и был перевезен в Академию Наук.

В числе публикуемых материалов в указанном труде приводится переписка Пушкина с графом Соллогубом, известным писателем 30—40 годов (считавшим, между прочим, Пушкина полубогом), о вызове его поэтом на дуэль, так как в январе 1836 года Пушкин, недовольный поведением графа, которого заподозрил в черезчур развязном обращении со своей женой на одном из балов, решил требовать удовлетворения. Из „Воспоминаний“ В. А. Соллогуба, однако, выясняется только одно, что он, увидев впервые жену Пушкина, „без памяти в нее влюбился“¹⁾. К счастью, бла-

¹⁾ Надо сказать, что тогда не было ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по красивой Пушкиной. В письмах графиня Д. Ф. Фикельмон, с которой поэт имел роман (о чем речь будет дальше), так отзывается о жене поэта—Н. Н. Пушкиной: „Жена Пушкина—хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность“. В другом письме: „Жена—прекрасное создание, но это тихое, ме-

годаря такту и выдержке Соллогуба, дело кончилось „мировой“; мало того, граф был приглашен Пушкиным в секунданты при первом его вызове на дуэль Дантеса около 20 ноября 1836 г. Причиной вызова Дантеса явились настойчивые ухаживания его, о которых говорил весь петербургский „свет“¹⁾, так что около имени жены свилась сплетня, недвусмысленно затрагивавшая честь замужней женщины. Все это раздражало

ланхолическое (грустное) выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей; у жены видна меланхолия, отречение от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину,—замечает Фикельмон в одном из своих писем,—только один раз“ (См. Русский архив 1884, № 4, 408, а также „Голос Минувшего“—журн. 1922. № 2, стр. 114—115. Между прочим, упоминание о не состоявшейся дуэли Пушкина с граф. Соллогубом, а также отзыв граф. Фикельмон имеются у П. Морозова. См. „Семейная жизнь Пушкина“. Сочин. Пушкина т. IV, издание Брокгауза-Ефрона).

¹⁾ Сказывается, что Пушкин любил посещать этот „свет“ и, по словам его сестры Ольги Сергеевны, женщины на редкость умной и тактичной, с поэтическим огоньком,—даже был падок к нему. Она, как бы предчувствуя, что брат сделается жертвой интриг и злословия этого „света“, предсказав ему, между прочим, насильственную смерть (занималась хиромантией), однажды дружески сказала брату: „охота тебе. Саша, смотреть на бездушных пустомелей да переливать из пустого в порожнее? Охота тебе принуждать и Наташу? Вспомни мои слова—к добру это не поведет. Не по твоему карману, не по твоему уму. Враги там у тебя кругом да около; рано или поздно тебе же напакосят. На эти слова, исполненные чуткости, неподдельного женского инстинкта и пророческой правды, Пушкин будто бы резко ответил: „на это я тебе скажу, милая сестра, что я и моя жена знамениты—я моим талантом, жена—красотой, а потому хочу, чтобы все ценили нас по достоинству“. С другой стороны, поэт сознавался как-то сестре, что он во время каждого бала делается мучеником, а затем проводит от гнетущей, но тяжелой мысли, бессонные ночи. (См. Л. Павлицев. Воспоминания об А. С. Пушкине. Из семейной хроники. Москва. 1890 г. стр. 51—52 и 299. Между прочим, Л. Павлицев—это сын сестры Пушкина—Ольги Сергеевны и, след, племянник поэта).

поэта, разжигало его ревнивую подозрительность¹⁾, и нужен был незначительный повод, чтобы личная, трудно скрываемая драма выросла в трагедию и привела к катастрофе, которую прерывалась драгоценная для всей России жизнь Пушкина. Таким поводом явилось получение 4 ноября 1836 года анонимного письма, в котором поэту выдавался диплом „рогоносца“. По словам сестры Пушкина, еще гораздо раньше этого пасквиля (позорящее честь произведение), брата Александра преследовали анонимными письмами насчет Дан-

¹⁾ Насколько был ревнив, раздражителен и нервно расстроен Пушкин, особенно в последний период его жизни, об этом свидетельствуют его поступки, письма к жене, а также уверяет в этом и сестра его Ольга Сергеевна. По ее словам, Пушкин считал себя самым несчастным существом, близким к сумасшествию, когда видел жену, разговаривающую и танцующую на балах с красивыми молодыми людьми; одно уже прикосновение чужих мужских рук к ее руке причиняло ему приливы крови к голове, и тогда у него находила мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему верной, может изменять ему мысленно. В одном из писем к жене Пушкин намекает ей, хотя и в дружеском тоне, что ее беседы с посторонними кавалерами ему не совсем по нутру, а в другом письме говорит: „не хорошо, что ты пускаешься в разные кокетства, и хотя я в тебе уверен, но не должно свету подавать повод к сплетням“. Прекрасное объяснение ревности Пушкина дает известный психиатр—проф. И. Сикорский: „В идеальной, художественной душе великого поэта,—говорит профессор,—в очень смягченных формах, жил, подобно паразиту, „африканский“ инстинкт, который даже в лучшую зрелую пору жизни не покидал его, омрачая его душу Оттеловской ревностью, которая, вероятно, сыграла свою злодейскую роль и в событиях, вызвавших роковую дуэль. (См. проф. Сикорский. Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина. Киев. 1912 г. стр. 14).

В ревности не уступала поэту и жена его, имевшая, кстати скажем, в течение немногих (6) лет замужества четверо детей (Марию, Александра, Григория и Наталию). Из дошедших до нас писем Пушкина к жене,—говорит Н. О. Лернер,—можно заключить, что Наталья Николаевна, любила ли она, или не любила мужа, ревновала Пушкина, хотя бы из одной женской гордости, и ему не раз приходилось успокаивать ее и оправдываться. Нам неизвестны письма Натальи Николаевны к мужу, но ответных

теса и его жены, рекомендуя брату принять меры к защите своей супружеской чести. Письма подбрасывали к нему на квартиру, подсовывались в ресторане в салфетку прибора, а раз, при выходе из театра, нашел он подобную гадость и в кармане верхней одежды, поданной капельдинером. От жены брат утаивал сперва эти посылки, но, наконец, не выдержал: показал и прочел жене одну из них, затем бросил в растопленный камин, причем заявил: „Voilà le cas que j'en fais“! (Вот как отношусь к этому!) Жена истерически зарыдала и стала на коленях умолять мужа уехать с нею и детьми в деревню, не теряя ни минуты. Александр Сергеевич соглашался, отвечая, что сам уже об этом давно думает и только ждет от одного приятеля денег на дорогу, а пока распорядился: Дантеса не принимать, во избежание дальнейших неприятностей. Вскоре после этого Пушкин, как-то возвращаясь к себе домой довольно поздно вечером, увидел в парадной военную шинель на вешалке. — Кто здесь? — Камердинер назвал фамилию Дантеса. — Да я же велел его не пускать! — Не послушались: они у барыни. Пушкин прошел в комнату жены и застал Наталью Николаевну беседующей о чем-то с Дан-

писем Пушкина достаточно, чтобы можно было видеть, как тяжело приходилось поэту от ревности жены, так как они выразительно рисуют нам подозрительность и ревность жены Пушкина. В одном из писем поэт объясняется: „грех тебе меня обвинять в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги — не красавицы, не ангелы, не мадонны“. Знаешь русскую песню: не дай, судьба, хорошей жены: хорошу жену часто в чир зовут, а бедному-то мужу в чужом пиру похмелье, да и во своем тошнит“. А О. Смирнова — приятельница поэта рассказывает о ревности Пушкиной следующий эпизод: „однажды, возвратясь с бала, на котором она вообразила, что муж ее ухаживает за мадам Круднер (что было совершенно несправедливо), Пушкина дала ему пощечину, о чем он, смеясь, рассказывал Вяземскому, говоря, что „у его мадонны рука тяжеленька“. (См. Н. О. Лернер. Ревность Н. Н. Пушкиной. Рус. Стар. 1905. Стр. 422 и 424).

тесом, который на вопрос хозяина дома, ради чего пожаловал, отвечал: „с целью просить руки Екатерины Николаевны“ (свояченицы поэта). — Если так, требую, чтобы свадьба состоялась через три дня! Сам приготовлю и разошлю свадебные билеты. Так Пушкин и поступил¹⁾. Автор указанного труда уделяет много внимания в своей книжке выяснению вопроса о том, кто был сочинителем „диплома“ (в книжке имеется, между прочим, факсимиле (точный снимок) диплома, а также адреса на дипломе и обложке), но ни к каким точным выводам придти не мог, хотя склонялся к убеждению, что из числа заподозренных в сочинении писем лиц следует снять всякое подозрение с Геккерена — отца Дантеса, которого, между прочим, несправедливо подозревал сам Пушкин. В настоящее время, благодаря указанному выше труду Пушкинского Дома „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, вопрос об авторе анонима решен в том смысле, что духовным убийцей Пушкина, моральным виновником того, что пролилась „поэта праведная кровь“, по всем предположениям и данным, подкрепленным убеждением друга Пушкина С. А. Соболевского и мнением младшей дочери Пушкина, граф. Н. А. Меренберг, был князь Долгоруков, и не кто другой должен считаться автором гнусной интриги, положившей предел цветению светлого гения Пушкина²⁾.

После получения анонима на следующий день Пушкин послал свой вызов Дантесу; однако, этот роковой вызов на дуэль был отсрочен, так как Дантес женился на свояченице Пушкина и сестре жены поэта — Е. Н. Гончаровой. После свадьбы Дантес чуть ли не с большой свободой начал посещать дом Пушкина и не прекращал на-

¹⁾ Л. Павлицев. Воспоминания об А. С. Пушкине, стр. 425—426.

²⁾ Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Указ. книж. стр. 49.

зойливых ухаживаний за Наталией Николаевной, причем, при манере непринужденного обращения с ней, Дантес делал вид, что не замечает враждебных взоров мужа. Событием, которое привело к роковой развязке, было январьское поведение обоих, закончившееся „таинственным“ свиданием в квартире Идалии Полетики.*) Дело в том, что Дантес написал Наталии Николаевне письмо, в котором умолял о свидании, грозя, в противном случае, застрелиться. Наталья Николаевна, быть может, поддавшись уговорам одной из своих „разряженных подруг“ Идалии Полетики (жена одного из сослуживцев Дантеса по полку), явилась на свидание. Любопытно, что во время этой встречи и свидания Наталии Николаевны с Дантесом у под'езда дома стоял „на страже“ будущий муж

*) Нужно отметить, что все родные Пушкина, как и сам поэт, никогда не сомневались в супружеской верности Наталии Николаевны; у них и тени не было подозрения на счет измены мужу; напротив, ее считали доброй по характеру, преданной женой; хорошей матерью, называя ее часто „ангелом“. Сам поэт, никогда не веря прочности своего семейного счастья, всегда, однако, видел в жене своей совершенство и давал свою голову на отсечение, что она в отношении к нему всегда пребудет чиста и непорочна. Таким влюбленным в свою „мадонну“ Пушкин оставался всю жизнь и до последней предсмертной минуты считал Наталью Николаевну ни в чем невиноватой пред ним во всей, имевшей место, семейной трагедии (См. Л. Павлищев. Воспоминания об А. С. Пушкине, а также „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, тр. 102—107).

Но если, несмотря на глубокую уверенность поэта и его родных в невинности Наталии Николаевны и сохранении ею чистоты супружеской верности, все же „общественное мнение“ открыто порицало жену Пушкина, а знакомые и даже друзья говорили и сплетничали, указывая на какие-то таинственные свидания жены поэта с Дантесом, то все любовные чувства и приключения самого поэта, (беседы с женщинами которого, по отзыву его брата, едва ли не были пленительнее его стихов), остались скрытыми, утаенными и чуждыми какого бы то ни было упрека со стороны „общественного мнения“. Так, прежде всего, многие творения поэта носят печать сокрытой в тайниках души долгой любви, светлой, нежной,

Пушкиной, когда она стала вдовой, П. П. Ланской, в ту пору влюбленный в Идалию и, по ее просьбе, принявший на себя роль оберегателя Дантеса от неприятных возможностей. О чем беседовала Пушкина с Дантесом в любезно предоставленном им приюте, под охраной „часового“,— этого мы не знаем, но не далее как на следующий день Пушкин получил от „неизвестного“ извещение о состоявшейся встрече. Чаша была пе-

но вместе с тем невысказанной, утаенной. Зарождение этого глубокого чувства поэта относится к эпохе его южной жизни, его юношеского путешествия в 1820 г. по Кавказу, Крыму, но это чувство не умирает и потом; и часто милый—тайный для других—женский образ всплывает в его творениях. Пушкин тщательно скрывает, кто был предметом этой таинственной, скрытой от чужих взоров, любви. Даже в своем знаменитом, так называемом Донжуанском списке, он не решился поведать бумаге это имя, скрыв его под латинскими буквами NN. Но теперь выясняется все больше и больше, что предметом этой глубокой, утаенной любви была известная своим самоотвержением жена декабриста Мария Николаевна Раевская, а по мужу княгиня Волконская, которая вопреки воле родителей отправилась с мужем в ссылку в Сибирь. (См. Б. Соколов. Княгиня Мария Волконская и Пушкин. Москва, 1922 года, изд. „Задруга“. В этой интересной книжке автор, на основании архивных и мемуарных данных, излагая поэтическую исповедь этой любви Пушкина, выясняет историю отношений поэта и М. Н. Раевской—кн. Волконской). Далее, Пушкин имел близкие, интимные связи с графиней Д. Ф. Фикельмон, урожд. Хитрово, о чем поэт сообщил, как тайну, своему другу Н. В. Нащокину и даже не хотел на первый раз сказать имени действующего лица, а обещался открыть после, но поэт определенно упоминал, что эта блистательная, безукоризненная в общественном мнении,—любящем сплетни и интриги света,—дама, наконец, поддавалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме (см. М. Цявловский. „Пушкин и граф. Д. Ф. Фикельмон“. Журн. „Голос Минувшего“. 1922 г. № 2. В этой любопытной статье автор, на основании документальных данных, почерпнутых им из „Русского архива“, а главным образом из записок редактора-издателя П. И. Бартенева, опубликовывает беседу Пушкина с Нащокиным, касаясь даже подробностей этого интимного свидания поэта с графиней, устанавливая, между прочим, полное сходство между этим эпизодом из жизни поэта и картиной свидания Германа в „Пиковой Даме“, проникающего также тайком в дом старой графини).

реполнена: поэт послал обиднейшее письмо старику Геккерену, и Дантес вызвал Пушкина на дуэль, которая произошла 27 января 1837 года на Выборгской стороне, за Черной речкой, возле комендантской дачи ¹⁾).

Самый факт дуэли автор А. С. Поляков описывает по воспоминаниям, впервые публикуемым и принадлежащим перу воспитателя училища правоведения А. С. Андреева: „оба подошли к барьеру,—пишет А. С. Андреев,—но Дантес выстрелил первый. Пушкин повалился (будучи ранен в правый бок ниже ребер), а Дантес, полагая, что дело кончено, повернулся левой стороной. Пушкин, очнувшись, сказал: „постой—еще и моей пуле место должно быть“! Выстрелил—и попал в кисть левой руки, которая, раздробившись, отдала пулю в сторону. Нельзя не отметить, что какой-то злой рок, фатум преследовал Пушкина всю жизнь, что имело место даже пред самой дуэлью. Дело в том, что когда секундант Пушкина Данзас отправился в саних вместе с поэтом на место поединка, то на дворцовой набережной они встретили жену Пушкина. Но Данзас был так поражен всем происшедшим, и на долю его выпало столько поручений, что упустил единственное средство к спасению жизни, драгоценной для всей России, и не крикнул ее кучеру спасительное: „стой“! Жена Пушкина, будучи близорукой, не заметила ехавших, а сам Пушкин смотрел в другую сторону ²⁾).

Трагическая смерть поэта произвела потрясающее впечатление, вызвала неподдельные слезы и искреннюю печаль. Уже утром 28 января, т. е. на другой день после дуэли, весь Петербург знал о тяжелом положении поэта: передняя его квартиры осаждалась толпами людей, совершенно не-

¹⁾ Об этом см. также сочинения Пушкина. Изд. Брокгауза-Ефрона, т. IV, 1910 г., в статье П. Морозова „Семейная жизнь Пушкина“, стр. 225.

²⁾ Л. Павлицев. Указ. книжка, стр. 428.

знакомых, приходивших справиться о состоянии здоровья раненого. К глубокой скорби, доходившей у некоторых до отчаяния, присоединялось сознание, что Россия теряет поэта не только гениального, но и поэта истинно-национального. Смерть Пушкина рассматривалась, как несравнимая потеря страны, как общественное бедствие. Пятидесятитысячная толпа хоронила поэта. Этот факт говорит о большой популярности поэта, которой он пользовался не только в столице, но также и в провинции. Между прочим, автором книжки приведен перечень статей и заметок в разных тогдашних журналах о том, на сколько Пушкин был популярен, и как его встречали в провинции в разных городах в начале 30-х годов прошлого столетия.

Чрезвычайный интерес представляет отношение к дуэли и смерти Пушкина самого б. царя Николая I, считавшего, как известно, поэта одним из „умнейших“ людей в России, но человека опасного в политическом отношении, а затем и всех, „стоявших у трона, свободы, гения и славы палачей“, (по меткому выражению поэта Лермонтова), в особенности же чиновников III отделения и шефа жандармов, известного Бенкендорфа.

В упомянутой книжке А. Е. Полякова находим очень много ценного материала в этом отношении, частью уже известного в печати, а частью впервые публикуемого. Так, впервые опубликовываются автором анонимные письма, полученные влиятельными в то время лицами, как поэтом Жуковским и граф. Орловым, с ответом на них Бенкендорфа, в которых красной нитью проскользнула мысль о том, что „лишение всех званий и ссылка на вечные времена в гарнизоны солдатом Дантеса не может удовлетворить русских за умышленное, обдуманное убийство Пушкина, а нужна высылка его и отца за-границу и воспрещение поступать на службу иностранцам, иначе можно поплатиться за оскорбление народное и притом

вскоре. 1) Эти письма пересланы были Бенкендорфу, который, таким образом, имел в руках документ, с настойчивостью говоривший ему о существовании в России революционного общества, главою которого был Пушкин. Для Бенкендорфа Пушкин был героем 14 декабря, 2) не признающим никаких властей и пользующимся своею популярностью, чтобы быть главой политического общества. Автором, кстати, приводится уже известное в печати описание похорон и отношение правительства к факту смерти поэта, составленное домашним доктором Пушкина—И. Т. Спасским. „Писать подробно о смерти Пушкина, говорить о его дуэли, оценивать его значение, как поэта, газетам и журналам было строго воспрещено. Этим думали ослабить впечатление, которое произвела его кончина на средний и интеллигентный класс русского общества. Правительство испугалось горячего непосредственного чувства, не прикрашенной скорби к человеку, совершенно частному, нечиновному, умершему бедняком. Для „николаевского“ времени такое проявление общественного горя было событием удивительным, а с точки зрения охранителя государственного порядка и общественного спокойствия, каковым и был шеф жандармов, буквально опасным. III отделение вообще не выносило ничего, что выходило за пределы официально разрешаемого и совершающегося без его ведома, хотя бы это было открытое поклонение пред талантом, или интимная исповедь горячего сердца, болеющего о благе общественном“. Поэтому, если Пушкин при жиз-

1) Анонимный автор этих писем был Николаем I заподозрен в лице Малова, настоятеля Исаакиевского собора, который отпевал тело поэта в церкви конюшенного ведомства. Насколько были основательны предположения Николая I, заподозрившего Малова в авторстве писем, сказать трудно; из архива III отделения этого не видно, не имеется также никаких данных и в секретном архиве.

2) т. е. декабрьского восстания, бывшего 14 декабря 1825 г. Об отношении Пушкина к декабрьскому движению и декабристам будет сказано дальше.

ни был подозрителен для III отделения и находился под неусыпным его наблюдением, хотя и „не в виде арестанта“, то и мертвый он внушал не меньшие опасения. У его гроба переодетые шпионы зорко следили за всем, что творилось в квартире поэта. Каждый шаг друзей покойного делался известным Бенкендорфу. Даже Жуковский был заподозрен в утайке бумаг поэта, и его не допустили одного, а вместе с жандармом Дубельтом, к разборке рукописей.

Ввиду того, что поклонение таланту было истолковано, как политическое и враждебное правительству движение, воспрещена была всякая церемония: так, по слухам, готовилась распряжка лошадей во время шествия к исаакиевскому собору, и тело понесут на руках, почему и была назначена для отпевания церковь конюшенного ведомства, куда доставлено было тело в ночь на 1 февраля под конвоем жандармов. Не разрешена была, между прочим, панихида, которую хотели отслужить профессора университета. Не удавшаяся распряжка лошадей в Петербурге, по слухам, ожидалась в Пскове, поэтому последовал немедленно приказ тогдашнему Псковскому губернатору Пещурову, которым воспрещалось всякое особенное „изъявление“, всякая церемония, при чем указывалось, что отпевание уже совершено. Аналогичное распоряжение было получено от Обер-Прокурора Синода архиепископом Нафанаилом, который, с своей стороны, отдал приказ архимандриту Опочецкого Святогорского монастыря Геннадию (от 4 февраля 1837 № 10) о предании тела покойного Пушкина в Святогорском монастыре, что было и исполнено. Из секретного донесения Островского исправника Псковскому Губернатору (от 9 февраля 1837 г. № 3) видно, что тело умершего поэта „через Островской уезд 5 числа и 6-го по утру весьма рано командированным, состоящим при занятии делами в земском суде, поручиком Филипповичем препровождено в Опочецкий уезд, в находящийся близ име-

ния отца покойного Пушкина, Святогорский монастырь и предано по христианскому обряду земле". Таким образом, оказывается, что усердное начальство не потрудилось само выехать на встречу дорогого праха, а Островской исправник, которому приказано было встречать и провожать тело до вечного места упокоения, не рискнул сам отправиться для встречи тела поэта, а командировал для этого одного из своих последних канцелярских чиновников, который один и мог засвидетельствовать, что прибывший рано утром в Святые Горы осмоленный ящик зарыт в земле (или точнее, в снегу, так как в это время земля была мерзлая), у одного из алтарей обители, а уже весною он был закопан в землю. Что в действительности заключалось в этом ящике—свидетелей никого не было, так как ящики тоже ничего не знали и не видели; сопровождавшие два жандарма—тоже, и, может быть, единственным свидетелем погребения гроба с телом поэта был Ал. Ив. Тургенев, следовавший за телом от Петербурга до Св. Гор¹⁾. Был ли кто при погребении поэта, кроме одного полицейского чиновника, сведений не имеется. Впрочем, передают, что из Тригорского, чрез которое следовало тело Пушкина, провожала скончавшаяся в 1859 г. Прасковья Александровна Осипова. О присутствии кого либо из родных сведений также не имеется. Следовательно, много риска, почти героизма проявлено было со стороны священника Раевского, больше известного по личному прозвищу „Шкода“, большого, нужно сказать, приятеля Пушкина, который, несмотря на запрещения, встретил тело умершего поэта в расстоянии 17 верст от своего прихода, в пог. Вреве, на руках нес гроб и, по отслужении панихиды в своей церкви, пог. Ворониче, передал сопровождать дороге останки явившемуся сюда

¹⁾ И. И. Василев. Следы пребывания. А. С. Пушкина в Псковской губернии. СПб. 1899 г. стр. 2—3.

из Святогорского монастыря священнику монаху.¹⁾ В настоящее время на основании документальных данных, выясняется вполне определенно, что вдохновителем и главным, пожалуй, виновником всего случившегося с поэтом Пушкиным был подозрительный Николай I, у которого при мысли о Пушкине вставали тени 14 декабря и пугали ужасами революции. „Николай I никогда,—справедливо говорит М. Лемке,—не мог простить своим подданным того неопишуемого страха и ужаса, который он испытывал в тот день, навеки затем памятный не только для него, но и для его преемников".²⁾ Будучи создателем III отделения, Николай I был и душой его. Во главе корпуса жандармов стоял талантливый руководитель—сам император, а остальные были только исполнителями его воли. Если бы Николай I хотя бы немного сочувственно относился к поэту, то в его власти было положить конец всем интригам, которые, кстати сказать, прекрасно ему были известны даже до мелочей, тем более, что проект о высылке Дантеса на Кавказ был давно готов, но он не приводился в исполнение только потому, что не желали лишать дамского общества веселого и красивого кавалера³⁾. Наконец, даже самая

¹⁾ Подробно об этом см. нашу книжку: „Пушкинский уголок", стр. 15—17.

²⁾ М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г. Петербург. 1909 г.

³⁾ Дантес обладал врожденною способностью нравиться всем с первого взгляда. Это был видный, красивый, молодой человек, не глупый по природе, не лишенный остроумия, находчивый и развязный, без труда воспринявший несложную мораль об офицерской чести и, так называемого, порядочного человека. Духовные запросы и высшие интересы были чужды молодому авантюристу. Интересна, между прочим, характеристика тогдашнего воспитания, которая приводила к частым дуэлям, поводы к которым доходили до глупости и даже пошлости. Прежде всего, мальчику внушалась необходимость иметь сознание о собственном достоинстве, но в чем оно заключалось, никто ему не объяснял; внушали неуступчивость, сварливость, отчего молодежь поставляет себе долгом и обязан-

дуэль Пушкина с Дантесом могла бы быть остановлена полицией (если бы, конечно, была на то воля свыше), между тем, жандармы были посланы, как выяснилось потом, будто бы по ошибке, в Екатерингоф, полагая, что дуэль произойдет там, тогда как место дуэли было, как известно, назначено за Черной речкой, около комендантской дачи.

Совершенно теперь опровергается мнение о якобы покровительстве Николая I поэту Пушкину. „Легенде о якобы великодушии, проявленном Николаем I пред смертью и после смерти Пушкина,—говорит автор книжки „О смерти Пушкина“,—нанес чувствительный удар П. Е. Щеголев, который в своей книге: „Дуэль и смерть Пушкина“ справедливо доказывает, что если Николай I и творил добро семье Пушкина, то это он делал отнюдь не во имя Пушкина, отнюдь не в силу признания за его личностью и деятельностью национального и государственного значения, а по иным соображениям. Здесь играли роль и влияние поэта Жуковского, а главным образом, „хорошее“ отношение к жене Пушкина, которую царь любил видеть на придворных балах,¹⁾ и, наконец, большую

ностью ничего не извинять, что кажется оскорбительным. У большинства молодежи понятия о чести, долге, справедливости и обязанностях перепутались; учтивость заменила благонаравие, расточительность изгнала умеренность, мнимая остроумность ума заглушила рассудок. Люди, причислявшие себя к большому свету, говорили, что человеку „дан ум для злословия, вкус—для щегольства, а сердце—для волокитства“. Благовоспитанный молодой человек в сущности был крупный невежда, не имевший никаких основательных сведений. (См. Рус. Стар. 1899, март. стр. 543—544). Аналогичная картина тогдашнего воспитания нарисована Пушкиным и в романе его „Евгений Онегин“:

„Мы все учились понемногу,
Чемунибудь и какнибудь“...
„Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
„Жеманство—больше ничего“.

¹⁾ Не только любил видеть на придворных балах, но определенно ухаживал, танцевал, а за ужином сживал с ней рядом, объявлял „царицей бала и „кокетничал“, о

роль играл и расчет на добрую славу о его великодушии и щедрости.¹⁾ „Царь был невысокого мнения о Пушкине и как поэте, и как о человеке; искусством его он интересовался в той мере, в какой оно могло служить выставкой его двора; сам Пушкин представлялся ему человеком незначительным и неприятным, требовавшим постоянного за собою надзора, так как не верил благонадежности Пушкина. Не верил он также и тому, что говорил о Пушкине Жуковский. В этом пункте влияние Жуковского столкнулось с влия-

чем имеются данные, а письма Пушкина к жене подтверждают подобное поведение царя, где поэт без обиняков просит Наталью Николаевну „не кокетничать с царем“. Известно также, что царь чрез жену Пушкина подарил сестре ее—Е. Н. Гончаровой некоторую сумму денег на свадебный подарок, когда последняя выходила замуж за Дантеса. Пушкин и камер-юнкерство получил (которым, кстати сказать, был очень обижен, возмущен и недоволен) только для того, чтобы свободнее было видеть „двору“ (вернее, царю) на балах Наталью Николаевну, о чем Пушкин отмечает в своем Дневнике от 1-го января 1834 года.

¹⁾ Когда Пушкин умер, Николай I прислал на похороны жене 10 тысяч. Единовременно 10 тысяч и обещание не оставить ее и детей. Сыновей взять в пажи и выдавать полторы тысячи в год до совершеннолетия, а дочерям до замужества. Долги все заплатить. Все сочинения напечатать лучшим образом на казенный счет и выгоды обратить на семейство. В упомянутых, опубликованных в книжке А. С. Полякова, воспоминаниях А. С. Андреева имеются еще указания на якобы великодушные и щедрость Николая I, проявленные к Пушкину. Помимо щедрости к семье в виде выдачи жене его пособия на погребение и обеспечения семьи, царь прислал исполненный великодушия ответ на якобы письмо умиравшего поэта, написанное по французски:

*Comme chretien, je vous
pardonne,
Comme Monarque, je vous aide,
Comme homme, je vous plains.*

Как христианин, я вас
прощаю,
Как Монарх, я вас
милую,
Как человек, я вас
жалюю.

Между прочим, эта записка, как и известное письмо Николая I к Пушкину о прощении и совете кончить жизнь по христиански, при чем не беспокоиться о детях и жене, которых царь берет на свое попечение, является, согласно новых данных, апокрифом (подложным документом), создав-

янием, диаметрально противоположным, резко враждебным—графа Бенкендорфа. ¹⁾

В итоге получается тот несомненный вывод, что правительство в лице Николая I и III отделения не только не стремилось уберечь и сохранить для России гениального поэта, но преступно, желая избавиться от „неблагонадежного“ человека, допустило заведомое попустительство власти, подставив его под пулю Дантеса, который был только орудием, хотя и сознательным, в руках правительства, а затем уже мертвого не оставило в покое, преследуя до самой могилы. Прав, поэтому, поэт Лермонтов, когда он, потрясенный трагической смертью, своего учителя—поэта, в своем стихотворении „На смерть Пушкина“, написанном 28 января 1837 г.,*) обвиняет в смерти Пушкина всецело тогдашнее правительство в лице Николая I, допустившего величайшее преступление—убийство гения:

*„Вы, жадною толпою стоящие у трона
„Свободы, гения и славы палачи,
„Гaitsь вы под сенью закона,
„Пред вами суд и правда—все молчи!..*

шим целую легенду. Ю. Г. Оксман приходит к заключению, что „волеизъявление императора Николая I в ночь с 27 на 28 января последовало в письменной форме, но нашло себе выражение не в непосредственном обращении к поэту, а в записке к доктору Арендту, которому поручалось воздействовать на умиравшего поэта. См. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Уч. кн. стр. 67).

¹⁾ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Стр. 210—211. Сравн. П. Е. Щеголев. Из комментариев к „Дневнику Пушкина“. Пушкин о Николае I, стр. XV. Дневник Пушкина 1833—1835. Под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева.

*) Между прочим, поэт Лермонтов, как известно, за это стихотворение был наказан высылкой из Петербурга на Кавказ.

Преступление настолько велико, что поэт в заключение говорит, обращаясь к виновникам смерти поэта:

*„Вы не смоете всей вашей черной кровью
„Поэта праведную кровь“.*

Интерес представляет исповедь Дантеса—Геккерена, (когда он уже был седым стариком), В. Д. Давыдову, сыну известного партизана 1812 г. Давыдова, в Париже. Дантес сознавался, между прочим, что он и в помышлении не имел погубить Пушкина, а напротив того, всячески старался примириться с Александром Сергеевичем, но вышел на поединок единственно по требованию усыновившего его барона Геккерена, кровно оскорбленного Пушкиным. Далее, когда соперники, готовые сразиться, стали друг против друга, а Пушкин наводил на Геккерена Дантеса пистолет, то рассказчик, прочтя в исполненном ненависти взгляде Александра Сергеевича свой смертный приговор, якобы оробел, растерялся и уже по чувству самосохранения предупредил противника и выстрелил первым, сделав четыре шага из пяти, назначенных до барьера. Затем, будто бы целясь в ногу Пушкину, он, Дантес, „страха ради“ перед беспощадным противником, не сообразил, что при таком прицеле не достигнет желаемого, а попадет выше ноги. „Чорт вмешался в дело!“ — закончил старик Дантес свое повествование, прося Давыдова передать это всякому, с кем бы его слушатель в России ни встретился ¹⁾.

В связи с исполняющимся в настоящем году 100-летием со дня ссылки Пушкина в с. Михайловское, Псковской губернии, для нас представляет громадный интерес, новый ценный труд принадлежащий перу Директора Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского под заглавием: „Пушкин под тайным надзором“, так как этот труд касается того периода жизни поэта, когда он жил в заточении в своем родном

¹⁾ Л. Павлищев. Указ. книжке, стр. 430—431.

Михайловском, а затем, после освобождения, находился до смерти под неусыпным надзором тайной полиции ¹⁾.

„К литературе о Пушкине,— пишет автор в начале своего труда,—обладающей уже большим количеством документальных данных, свидетельствующих о десятилетних „муках великого поэта“, вызывавшихся тайным надзором за ним, в настоящее время представляется возможным дополнить, так сказать, гласные полицейские материалы о Пушкине целую серию материалов агентурного, секретного характера, сохранившихся в особом секретном отделе Архива бывшего III отделения, в который вошли и документы предшествовавшего учреждению отделения времени, начиная с февраля 1826 года. Ознакомление с этим секретным архивом даст возможность довольно отчетливо установить самую схему наблюдательной деятельности III отделения“.

¹⁾ Кстати скажем, что в мае 1820 года, т. е. когда Пушкину исполнился 21 год (он родился 26 мая ст. стилия 1799 г.), поэт за вольнодумные стихотворения, особенно за оду „Вольность“ и эпиграммы (едкие стишки) на некоторых начальствующих лиц, был сослан, вместо предполагавшейся Сибири, в Екатеринослав, затем переехал на Кавказ, в Крым, Кишинев и Одессу, откуда был выслан под надзор отца в с. Михайловское, куда и прибыл 9 августа 1826 года. Отец Пушкина был так недоволен поведением опального сына, что запретил брату и сестре поэта иметь с ним какие либо сношения, а затем вскоре, в ноябре 1824 г., отец с семьей уехал в Петербург и оттуда прислал отказ от добровольно принятых на себя обязанностей надзора за сыном. По отбытии наказания, когда сыскная полиция, как узнаем дальше, путем секретных агентурных сведений, убедилась в „благонадежности“ поэта, Пушкин был вызван Николаем I в Москву, куда и прибыл он 8-го сентября 1826 года. После продолжительной беседы с царем, Пушкин был освобожден, и с него снята опала, при чем дозволено было жить, где ему угодно, но с этого момента до конца жизни Пушкин делается „поднадзорным“: царь назначает себя цензором всех произведений поэта, письма его вскрываются на почте, и с этих пор ни один факт, ни одно событие в жизни поэта не происходит без ведома и разрешения III отделения тайной полиции; даже когда поэт задумал жениться, он должен

Серия секретных материалов о Пушкине начинается запискою, писанной рукою агента III отделения, по фамилии Висковатова—популярного в свое время поэта и плодовитого драматурга: ¹⁾ „Прибывшие на сих днях из Псковской губернии достойные вероятия особы, — читаем в записке, — удостоверяют, что известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин, по высочайшему императора Александра Павловича повелению определенный к надзору местного начальства в имении матери его, состоящем в Псковской губернии, в Апочетском уезде, и ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и, по получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора, он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: „Наконец, не стало тирана, да и оставшийся род его недолго в живых останется!“ Мысли и дух Пушкина бессмертны: его не станет в сем мире, но дух, им поселенный, навсегда останется, и последствия мыслей его непременно поздно или рано произведут желаемое действие“.

Когда подготовлялось и происходило „декабрьское“ восстание, Пушкин, как известно, находился в заточении в с. Михайловском. Будучи всегда революционно настроен и находясь в оппозиции по отношению к правительству, Пушкин, отрезанный от мира в своем Михайловском, все время, однако, жил в атмос-

был представить своей теще „разрешительную грамоту“, выданную ему шефом жандармов Бенкендорфом. Наконец, умерший Пушкин, как раньше было указано, внушал опасения, и поэтому правительство, воспользовавшись высказанным при жизни пожеланием поэта „почивать ближе к милому пределу“, постаралось потихоньку отправить из Петербурга для погребения тело умершего поэта в Святогорский монастырь, находящийся в 3 верстах от родного ему Михайловского.

¹⁾ Между прочим, Висковатов, как известно, был сам пскович и имел здесь родственные связи и знакомства.

сфере заговора, подозревал существование тайной организации, решающей судьбы России, и страстно хотел попасть в общество декабристов. Видные декабристы были друзьями, товарищами по лицу, или хорошими знакомыми поэта. В Михайловском, помимо наилучших, написанных Пушкиным произведений, как „Евгений Онегин“ и „Борис Годунов“, поэт занимается Стенькой Разиным, о котором, между прочим, говорит, что это „самое поэтическое лицо в русской истории“; тогда же он начинает изучение Пугачева. Пушкин даже точно угадывал надвигающуюся грозу. Пред самым восстанием декабристов он вдруг собрался в Петербург, и только заяц, перебежавший дорогу, заставил его воротиться. Счастье, конечно, что Пушкин вернулся назад домой, так как в Петербурге его ожидала бы виселица, или в лучшем случае он мог бы быть сосланным в Сибирь. По этим, несомненно, соображениям и декабристы, в целях сохранить и уберечь поэта, отказывались принять его в свое тайное общество. Известно, что катастрофа 14 декабря повергла поэта в неописанное волнение и неизъяснимую печаль, а декабристы получают в его глазах ореол героизма и мученичества. У него нет для них другого названия, как „братья“, „товарищи“, „друзья“. Николаю I он прямо заявляет, что был бы на площади с бунтовщиками, если бы очутился в Петербурге. Казнь и каторга декабристов поразили поэта до глубины души. „Повешенные повешены,—говорит поэт,—но каторга 120 братьев, товарищей и друзей—ужасна! Пушкин ведет, затем, переписку с сосланными на каторгу и пишет полное хватающей за сердце нежности, послание в Сибирь; в котором предсказывает торжество декабристов. Вообще, поведение Пушкина по отношению к декабристам отличается прямо рыцарским благородством. Неудивительно, поэтому, что Пушкин в глазах правительства был „героем 14 декабря“, мечтавшим вместе с декабристами о сча-

стии и свободе народа¹⁾. Вот почему напуганное правительство в середине июля 1826 года, т. е. тотчас после казни декабристов, командирует в Псковскую губернию тайного агента, состоявшего в чине каллежского советника в ведомстве коллегии иностранных дел А. К. Бошняка, для „возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян“ и для „арестования его и отправления куда следует, буде бы он оказался действительно виновным“. Этот „доверенный“ человек под видом ботаника исколесил много верст и побывал у многих лиц для проверки слухов, которые доходили до правительства, о политической пропаганде поэта и о возбуждении им крестьян. Мы не будем приводить полностью текста „Записки о Пушкине“, представленной Бошняком при рапорте²⁾, а скажем только, что, к счастью для поэта, эта проверка выяснила всю неосновательность и нелепость слухов. Расследование, произведенное среди крестьян и содержателей гостиниц и постоялых дворов (хозяин Новоржевской гостиницы, крестьянин Святогорской слободы, хозяин постоялого двора в той же слободе, крестьянин удельной деревни Губиной), решительно опровергло все слухи о сочинении „возмутительных песен“, а тем более о возбуждении крестьян, и даже выставило поэта в удивительно мягком и привлекательном свете. Так, все вышеуказанные лица из крестьян единодушно показали, что Пушкин „на ярмонке

¹⁾ Подробно об отношении Пушкина к декабрьскому движению и декабристам см. А. Слонимский. „Пушкин и декабрьское движение“. Сочинения А. С. Пушкина. Издание Брокгауза—Ефрона, т. II.

²⁾ См. подробно об этом в журн. „Былое“, 1918 г № 2 (30), стр. 67—77 статью А. А. Шилова: „К биографии Пушкина“, где с комментариями (объяснениями) приводится полностью текст чернового рапорта Бошняка и его „Записка о Пушкине“.

(ярмарке¹⁾) Святогорского монастыря был в рубашке, подпоясан розовой лентой, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке;²⁾ „он скромн и осторожен, о правительстве не говорит, и вообще никаких слухов об нем по народу не ходит,“ не слышно, чтобы он сочинял или пел какие-либо возмутительные песни; „никаких песен он не поет, и никакой песни им в народ не выпущено;“ Пушкин — добрый барин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто, никого не обижает; дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здоровался с ними; „кроме Святогорского монастыря и госпожи Осиповой, своей родственницы, он нигде не бывает, но иногда ездит и в Псков“.

Что касается местных чиновников и помещиков, знавших и встречавшихся с Пушкиным (уездный судья Толстой, смотритель по винной части Трояновский, уездный заседатель Чихачев, предводитель дворянства Львов, генерал П. С. Пуцин), то они в своих отзывах не пожалели темных красок при характеристике Пушкина: „яд, разлитый его сочинениями, показывает, сколь человек, при удобном случае, мог быть опасен“. „Пушкин — говорун,

1) Ярмарка эта — очень давнее явление и первое упоминание о ней находим в „Псковских Губернских Ведомостях за 1871 г. Подробно об этом см. нашу книжку: „Пушкинский уголок“. стр. 7.

2) Это показание совпадает также с записью торговца И. Лапина о свидании с Пушкиным в Святых Горах годом ранее — 2 мая 1825 г.: „Имел щастие видеть Александра Сергеевича Г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой простой рубашке, опоясавши голубой ленточкой, с железною в руке тростью, с предлинными черными бакенбардами, которые более походили на бороду, также с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу на апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю, около 1/2 дюжины“ (Л. И. Софийский. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков. 1912 г., стр. 203).

часто взводящий на себя небылицы“, он „так болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его присвоить“, что он „человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе неспособный к основанному на расчете ходу действия“. Но и они вынуждены были опровергнуть подозрение в возбуждении крестьян и в „поступках, ко вреду государства устремленных“.

Таким образом, никаких открытий не удалось сделать, и надвинувшаяся вплотную на ничего не подозревавшего Пушкина гроза, в виде ловкого самозванца — ботаника, специалиста по розыскным делам Бошняка и фельд‘егеря Блинкова, несколько дней дожидавшегося на почтовой станции „Бежаницы“ намеченной жертвы с открытым листом об аресте, на этот раз пронеслась мимо: Пушкин „действительно, не может быть почтен, по крайней мере, поныне, распространителем вредных в народе слухов, а еще менее — возмутителем“, — заканчивает свою „Записку о Пушкине“ А. К. Бошняк.

Благоприятные для Пушкина результаты расследования, несомненно, ускорили удовлетворение его просьбы, поданной чрез Псковского губернатора Адеркаса о снятии опалы. 30 июля 1826 г. прошение было послано Министру Иностранных Дел графу Нессельроде, а 31 августа того же года Адеркасу было уже отправлено требование дежурного генерала главного штаба Дибича — немедленно доставить Пушкина в Москву с нарочным фельд‘егерем, при чем „г. Пушкин мог ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта“. В ночь с 3 на 4 сентября того же 1826 г. Пушкин был увезен из Михайловского в Москву, где его пожелал видеть Николай I, только что принявший коронование. 8 сентября поэт был в первопрестольной столице, где и был представлен государю. Петербургский тайный агент Локателли доносил в своей записке без пометки числа об этой царской аудиенции, длившейся более

2 часов и имевшей целью простить Пушкину его „вины“, дать ему советы и отеческие указания, причем добавляет, что „сердце у Пушкина доброе, и для него необходимо лишь руководство“. Любопытно отметить, что этот самый агент, производивший свои розыски в связи с работами Верховного уголовного суда над декабристами, сообщает: „Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков“. Необходимо отметить, что в материалах секретного архива не находится о Пушкине никаких сведений почти за целые два года,— начиная со второй половины 1828 г. за весь 1829 г. и начало 1830 г., т. е. за время, проведенное поэтом сперва в Петербурге, в неприятностях по делу о „Гавриилиаде“¹⁾, а затем в раз'ездах (Тверская губ., Москва и Петербург, Кавказ, снова Тверская губ. и Петербург); из поездок он возвратился лишь в середине ноября 1829 г., при

¹⁾ Известно, что „Гавриилиада“ была создана Пушкиным с половины 1821 по конец 1822 г., но в 1828 г. дворовые люди некоего капитана Митькова донесли петербургскому митрополиту, что „господин их развращает их в понятиях православной веры“, читая им по рукописи развращенное сочинение под заглавием „Гавриилиады“. При доносе была приложена и рукопись поэмы. Дело было доведено до Николая, и им назначено было следствие с привлечением по этому делу Пушкина, как автора, но Пушкин несколько раз, ввиду грозившей опасности быть сосланным в Сибирь, определенно отрекся от „Гавриилиады“ и даже указал, как на ее автора, на другое лицо—покойного в это время кн. Д. П. Горчакова. По поводу „Гавриилиады“ Пушкин лично писал Николаю I письмо и получил на него ответ, но эти письма остались неизвестными. Во всяком случае письмо Пушкина вызвало характерную резолюцию Николая I: „Мне это дело известно и совершенно кончено. 31 декабря 1828 г.“ Очевидно, получив решительное средство подчинить себе Пушкина, Николай I дипломатически использовал его, инсценировав рыцарское великодушие. (См. А. С. Пушкин. Гавриилиада. Редакция, примечания и комментарий Б. Томашевского. Труды Пушкинского Дома. Петербург 1920 г. стр. 53. Сравн. В. Брюсов. Гавриилиада. Сочинения Пушкина. Издание Брокгауза-Ефрона 1908, стр. 603—605).

чем сразу же должен был выслушать выговор Бенкендорфа за то, что „странствовал за Кавказом и посещал Арзерум“, не получив на то специального разрешения, а затем первые месяцы 1830 г. провел в новых сборах к от'езду и в поездке в Москву, где вскоре и состоялось его сватовство к Наталье Николаевне Гончаровой. Известно, что сватовство Пушкина было принято скептически (сомнительно) его будущей тещею, которая, как писал поэт в своем письме Бенкендорфу, от 16 апреля 1830 г., „страшилась выдать дочь свою за человека, имевшего несчастье подвергнуться неудовольствию императора“, почему Пушкин просил в письме выяснить его официальное положение и отношение к нему правительства. Бенкендорф отозвался на эти строки письмом от 28 апреля, в котором, успокаивая Пушкина, писал, что государь с удовольствием услышал о намерении его жениться и поручил ему сообщить, что он, Пушкин, находится не под гневом, а под отеческим попечением правительства, при чем поэт уполномочен был показывать это письмо всем, кому он сочтет нужным.

„Так, под знаком „III отделение“, — заканчивает свою интересную книжку автор,—протекали дни Пушкина в годы расцвета его гения. Войдя в кабинет Чудовского дворца, 8 сентября 1826 г., на аудиенцию к Николаю I, хотя и ссылкой, но духовно свободным человеком, он вышел оттуда, по меткому выражению П. О. Лернера, „свободным поднадзорным“, — и с этого дня голубая, громоздкая, но мягкая фигура Бенкендорфа становится рядом с поэтом и неотступно, по пятам сопровождает его уже до самой могилы.“

Необходимо добавить, что „полицейский надзор за Пушкиным, как упоминалось уже выше, и как об этом говорит современный писатель В. Брюсов, продолжался и после смерти поэта и был снят, по забывчивости правительства, лишь много десятилетий спустя. Уже в 1883 г., — пишет В. Брюсов, — когда Пушкин ездил на Урал, чтобы собрать материалы для

„истории Пугачева“ (переименованной по приказу Николая I в „Историю Пугачевского бунта“), о каждом шаге поэта, о всех его речах—тотчас летели донесения в Петербург. Частные письма Пушкина систематически перлюстрировались, т. е. прочитывались на почтамте, в „черном кабинете“, и выписки из них сообщались царю. Пушкин сам горько жалуется на это в одном из своих писем к жене. Мало того, в последние годы жизни Пушкин каждый день мог ожидать полицейского обыска в своей квартире и потому не решался хранить у себя даже тех своих рукописей, в которых можно было усмотреть что либо правительственное, памятуя, как за нелепые выписки из „Андрэ Шенье“ и за „Гавриилиаду“ едва не был сослан в Сибирь. Опасаясь обыска, Пушкин сжег X главу „Евгения Онегина“, в которой изображал освободительное движение 20-х годов и вводил Онегина в круг будущих декабристов, о чем сам и записал в одной из своих тетрадей лаконическими (краткими, ясными) словами: 19 октября сожж. X песнь. Однако, жалея, как художник, свое создание, Пушкин некоторые строфы этой главы все же записал для себя, но записал криптограммой, т. е. условным способом, перепутав между собой стихи так, чтобы жандармское око, и напав на рукопись, не поняло бы ее смысла. Криптограмма была столь удачна, что расшифровать ее удалось, да и то не вполне, только в 1910 году. В прочитанных теперь строфах содержится, между прочим, едкая характеристика Александра I. X глава „Онегина“ писалась в последние годы жизни Пушкина—значит и в эти годы, замечает В. Брюсов, поэт не переставал раздумывать над революцией 1825 года, в которой (по его собственному признанию) не принимал участия только потому, что был в ссылке в с. Михайловском¹⁾.

¹⁾ В. Брюсов. Пушкин и крепостное право. Журн. „Печать и революция“. 1922 кн. II (пятая), стр. 11—12.

Между прочим, в своих письмах к жене Пушкин жалуется по поводу перлюстрации его писем и резко отзывается о перлюстраторах. „Я тебе долго не писал, потому что был зол,—не на тебя, а на других,—говорил он в письме от 18 мая. Одно из моих писем попало полиции“. „Смотри, женка, надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь. Никто не должен знать, что может происходить между нами, никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни“. 28 мая Пушкин снова упомянул о полиции, которая читает письма. Затем резко выразился по адресу перлюстраторов: „Я не писал тебе потому, что свинство почты меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силах. Мысль, что ктонибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство.“ Наконец, 30 июня в Р.С. замечает: „Пожалуйста, не требуй от меня нежных любовных писем. Мысль, что мои письма распечатывают и прочитывают на почте, в полиции, охлаждают меня, и я по неволе скуп и скучен“¹⁾.

¹⁾ Переписка Пушкина, т. III стр. 117, 120 и д. Нужно только удивляться, как Пушкин, будучи всю жизнь гоним и преследуем правительством и глубоко несчастный человек в своей семейной жизни, видя крушение своих идей и идеалов о свободе и счастье русского народа, не перенес этой горечи жизни в свою поэзию. Напротив, светлой и жизнерадостной поэзии Пушкина были совершенно чужды грустные мотивы, жалобы на „жизнь“, желание уйти, освободиться от нее, как не имеющей смысла и оправдания, а везде чувствуется призыв к жизни, гимны ей. „Много скорби и горечи,—говорит один критик,—много тоски и негодования прошло чрез душу поэта. Испытав жестокую насмешку судьбы, драму одиночества, Пушкин все же остается благоволящим, жизнерадостным и благодарным; присущее ему чувство признательности он распространяет на всю жизнь вообще. Настал для него полдень, уходит от него ласковая юность, и он дружелюбно прощается с нею и „благодарит ее за наслаждения, за грусть, за милые мучения, за шум, за бури, за пиры,—за все, за все ее дары“. Он вполне наслаждался ею и с ясною душой пускается в новый путь. Эта ясность и потом не возмутится. Он знает, что благо и зло перемешаны, и прав для него судьбы закон, и по-

Нельзя не упомянуть, наконец, еще об одном труде Пушкинского Дома, изданном под редакцией и с объяснительными примечаниями того же Директора Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского, этому он не сетует ни на что. Он только благословляет. Он только принимает. Ему дороги настоящие дары жизни, а что было, то не будет вновь.

*„Все благо—бдения и сна
„Приходит час определенный;
„Благословен и день забот,
„Благословен и тьмы приход“* (Евг. Онегин)

Падет ли он стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она,—он идет навстречу одним возможностям: смерти и жизни. Пред певцом во мгле открылся мир земной, но за то мгновенно проснулся его гений,

*„На все минувшее воззрел,
„И в хоре светлых привидений
„Он песни дивные запел“.*

Этот неизменный и глубокий оптимизм, это неодолимое чувство добра, идущее за грань каждой тягостной минуты, дышит на всех страницах Пушкина (см. Ю. Айхенвальд. Пушкин. Москва. 1908 г. стр. 12).

Правда, в одном стих. „Дар напрасный, дар случайный“—поэт высказывает, что он тяготится жизнью—этим случайным и напрасным даром, как будто жалуется на жизнь, не видя пред собой высокой цели, вследствие чего он тоскует и предается мрачному настроению:

*„Цели нет передо мною, (жалуется поэт)
„Пусто сердце, празден ум,
„И томит меня тоскою
„Однозучный жизни шум“...*

Но эта, высказанная поэтом, жалоба на жизнь, будто бы обманувшую его, это разочарованность в жизни—случайное настроение, мимолетное недовольство собой и жизнью, маленький диссонанс (несозвучие) среди бодрых, веселых аккордов его поэзии. В одной из своих элегий „Безумных лет угасшее веселье“ поэт вполне определенно высказывает мысли о ценности и смысле жизни, и, несмотря на то, что поэт уверен, что „грядущего волнуемое море“ сулит ему не радость и счастье, а труд и горе, он решительно заявляет:

*„Но не хочу, о други, умирать,
„Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!
„И думаю: на мой закат печальный
„Блеснет любовь улыбкою прощальной“.*

Нельзя не привести одного письма Пушкина, в котором выражается светлая и жизнерадостная, спокойно-

подзаглавию: „Дневник Пушкина“¹⁾. Этот своеобразный памятник жизни и творчества поэта был, правда, полностью напечатан в новейшем Брокгауз-Ефроновском издании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова. Побуждением к повторному его изданию, как объясняет редактор в своем предисловии, послужило то обстоятельство, что представилось крайне желательным и необходимым опубликовать безусловно полный и по возможности правильный текст Дневника, для каковой цели был использован сделанный весной 1903 г. список с подлинной рукописи Пушкина, высланный А. А. Пушкиным в Академическую комиссию по изданию сочинений Пушкина. Далее, редактор, говоря об истории возникновения Дневника, указывает на тот факт, что Пушкин с дней еще ранней юности с жадностью ло-

величая мудрость Пушкина, переведенная на будничную прозу: „Опять хандрить,—пишет Пушкин своему приятелю Плетневу,—эй, смотри, хандра хуже холеры: одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди умрет и Жуковский, умрем и мы; но жизнь все еще богата, она встретит еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья; дочь у тебя будет роста, вырастет невестой. Мы будем старые хрыщи, жены наши старые хрыщовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; мальчишки будут повесничать, а девчонки сентиментальничать, а нам то и любо. Вздор, душа моя! Были бы мы живы, будем когданибудь и веселы“.

Проф. Овсяннико-Куликовский говорит, что „Пушкин может служить образцом гармонической и здоровой натуры. Мироззрение Пушкина было всецело оптимистическое. Он не упускал из вида положительных сторон жизни, не преувеличивал отрицательных, верил в лучшее будущее, в торжество добра, умел во всем находить хорошее, примирять противоречия,—гуманность было основной стихией его поэзии, гармония духа и века.“ (см. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Ценность жизни. Вестник Европы. 1915 г. V кн. стр. 136). Желающих познакомиться подробно со взглядами Пушкина, а также других писателей и поэтов на жизнь, отсылаем к нашей книжке: „Взгляд художников на жизнь“. Москва 1913 г.

¹⁾ Дневник Пушкина (1833—1835) под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголова. Госиздат. 1823 г. стр. 375.

вил и запечатлевал в своем сознании „все впечатления бытия“ и, нося в своей природе элементы настоящего историка, делал неоднократные попытки все записывать путем ведения собственного Дневника, причем, после открытия заговора декабристов, должен был не без большого сожаления сжечь его, боясь, в случае обыска и ареста, замешать имена многих, а может быть и умножить число жертв, и решительно принялся за него лишь в конце 1833 года с твердым, повидимому, намерением сделать из него памятник эпохи, в котором должна была отразиться не столько его собственная личность, сколько наиболее выдающиеся, характерные для времени события государственного и общественного значения, выступить виднейшие деятели эпохи, причем Пушкин записи вел очень добросовестно, считая, что „неприменно должны описывать современные происшествия, чтобы на нас могли ссылаться“. Действительно, на Дневник Пушкина можно смело ссылаться, как на достоверный первоисточник: он нигде не изменил себе и писал *sine ira et studio* (без гнева и без пристрастия). Поэтому-то „Дневник Пушкина“ дорог для нас не столько как произведение литературное, сколько как памятник исторический, материал автобиографического и биографического значения и характера, и историку, желающему изучить Николаевскую эпоху, непременно придется иметь дело с „Дневником“ Пушкина. Скажем больше того: не только с самим Дневником Пушкина придется считаться историку, но также и с комментационной (объяснительной) его частью, с редкой добросовестностью и полнотой исполненной Б. Л. Модзалевским. Редактор вскрывает пред нами всю обстановку эпохи и касается той среды, которую описывает и зарисовывает Пушкин в беглых подчас лапидарных (сжатых) записях своего „Дневника“, стараясь не оставить неразъясненным ни одного места, не обойти молчанием ни одного имени, ни одного события, о котором упоминает Пушкин—было ли то событие совре-

менной ему общественной или частной жизни, факт его личной судьбы, исторический анекдот, рассказ и проч. Особенно много редактор дает объяснений и справок по поводу упоминаемых Пушкиным лиц и приданных им кратких определений и характеристик.

Пред читателем, таким образом, проходит во весь свой рост и в исторической объективности целая галерея лиц, которые занимали разные государственные должности, или были друзьями и знакомыми поэта. Размер книжки не позволил редактору сделать сообщения с исчерпывающей полнотой, написать монографии (отдельные исследования) о каждом из упоминаемых в „Дневнике“ лиц, но и то, что сделано, представляется большим вкладом в историческую науку и является очень ценным трудом.

Большой интерес представляет также статья известного пушкиноведа П. Е. Щеголева, помещенная в книжке после предисловия, под заглавием: „Из комментариев к „Дневнику Пушкина.“ Пушкин о Николае I,“ в которой выясняются общественно-политические взгляды Пушкина¹⁾; вместе с тем, автор проливает много света на отношение царя к Пушкину и наоборот. Взгляд Николая I и его отношения к Пушкину достаточно, кажется, нами выяснены выше, поэтому повторяться не будем; что же касается вопроса об отношении Пушкина к царю, о которых так много существует толков, споров, то вопрос этот автором удачно и определенно разрешен хотя бы в заключительных строках его интересной статьи, которых не можем не привести: „Нам кажется,—говорит автор,—что анализ записей Пушкина о Николае I в „Дневнике“ дают нам возможность

¹⁾ Об общественно-политических взглядах Пушкина см. Сочинения Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. II и VI, а также в интересном и ценном исследовании Н. О. Лернера: „Проза Пушкина“. Изд. „Книга“, Петроград-Москва 1923 г.

сделать заключение, что принятое биографами и исследователями Пушкина представление об отношении Пушкина к царю не соответствует действительности. В 1833—1834 году Пушкин проявил критическое отношение к Николаю и как к монарху, и как к человеку, и трезво посмотрел на державца полумира. Положительное и будто восторженное отношение к Николаю сменилось отрицательным. На месте великого государя оказался прапорщик, а на месте человека-героя оказался мелкий человек, ограниченный и узкий, злобно памятливым⁴.

В заключение очерка хочется сказать, что Пушкинский Дом—этот наилучший памятник великому поэту земли русской А. С. Пушкину, заключающий в себе драгоценные творения поэта в их подлинном виде, имеющий в своем распоряжении богатейший Пушкинский музей, принадлежавший А. Ф. Онегину в Париже¹), громадную библио-

¹) Интересно выяснить, кто такой А. Ф. Онегин—владелец музея в Париже, фамилия которого напоминает нам одного из героев Пушкина? Оказывается, что настоящая фамилия собирателя—А. Ф. Отто, но поклонение гению Пушкина было настолько велико, что он присвоил себе и фамилию одного из его героев. Проживая в 60-х годах большей частью за границей, а с 1880 г. окончательно переселившийся из России в Париж, А. Ф. Онегин начал собирать различные русские книги, особенно сочинения Пушкина, а также книги, написанные о Пушкине. Разные материалы удалось получить от А. С. Смирновой, И. С. Тургенева и др., а в 1883 от П. В. Жуковского—сына известного поэта получено им главное сокровище своего собрания—пакет с рукописями Пушкина; чрез два года к Онегину от того же П. В. Жуковского поступили и все бумаги его знаменитого отца, которые имели отношение к дуэли и смерти Пушкина, к посмертному изданию его сочинений, а также к делам опеки над его детьми и имуществом. Поэтому, когда в 1907 г. при Академии Наук, благодаря особенно стараниям нынешнего директора Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевского, был учрежден в Петербурге (ныне Ленинграде), в качестве памятника Пушкину, Музей новой русской литературы—Пушкинский Дом, (самая идея об открытии возникла в 1899 г., следовательно в этом году Пушкинский Дом празднует 25-летний юбилей своего су-

теку самого поэта, его родных, а также являющийся книгохранилищем литературного наследства о Пушкине и других поэтах и писателях, насчитывающий в своем составе много пушкиноведов, а также вообще занимающихся литературным трудом, имеет возможность из года в год обогащать родную литературу исследованиями, сочинениями и литературными работами о Пушкине, увековечивая чрез это имя великого поэта и создавая ему бессмертие в грядущих веках.

Хочется верить, что и во Пскове—родном для Пушкина губернском центре, где поэт часто бывал, а также через Псков, как указано выше,

существования), тогда же был поднят вопрос о приобретении Парижского Пушкинского музея А. Ф. Онегина. По договору, заключенному в 1909 году, самый музей должен оставаться в Париже у бывшего владельца, Академия же Наук озаботилась снятием фотографических и цинкографических копий с новых рукописей Пушкина, каковые рукописи и стали печататься и появляться, начиная с III тома академического издания сочинений Пушкина. Каковы же судьба Парижского музея Онегина? Дело в том, что, ввиду распространившегося было неосновательного слуха о смерти Онегина, которому насчитывается теперь девятый десяток лет, Наркомпросом в 1922 г. был командирован в Париж хранитель рукописей Пушкинского Дома, проф. М. Л. Гофман для окончательного приведения договора в исполнение и использования оставшегося богатства—рукописей Пушкина. Во время одного из посещений моих Пушкинского Дома для занятий, когда проф. Гофман находился в Париже, директор Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский ознакомил меня с сообщением проф. Гофмана, напечатанным в Париже, в газете „Слово“ № 63 под заглавием: „Пушкинский Дом в Петрограде и Париже“, где говорил о своих работах в Пушкинском музее А. Ф. Онегина, благополучно здравствующего, и где приведен, между прочим, полный текст договора Академии Наук с Онегиным. Б. Л. Модзалевский в беседе со мной отметил, что фонд рукописного материала Пушкина в Парижском музее почти исчерпан, но в нем имеется ценное богатство рукописей других русских писателей и поэтов.

В настоящее время, к большому удовлетворению русского общества, можно определенно сказать, что весь Парижский музей Онегина является достоянием Пушкинского Дома при Российской Академии Наук.

следовало тело покойного поэта по дороге из Петербурга (ныне Ленинграда) в Святые Горы, будет в недалеком будущем,—на подобие Пушкинского Дома при Академии Наук, но, конечно, в миниатюре, — воздвигнут памятник — Пушкинский музей. Правда, во Пскове имеется солидный памятник — б. Пушкинский народный дом, основанный в память столетия со дня рождения поэта а ныне переименованный в Государственный театр имени А. С. Пушкина, но представляется крайне желательным и необходимым создание более „живого“ памятника, который бы постоянно и близко роднил нас с поэтом и напоминал о нем, и к которому никогда бы „не заросла народная тропа“.

Таким, именно, памятником явился бы Пушкинский музей. Почин и инициатива в этом отношении должна принадлежать Псковскому Губмузею и существующему при нем Обществу краеведения, которые (имеются основания надеяться), ввиду исполняющихся в настоящем году двух юбилеев великого и дорогого нашего „земляка“ — поэта Пушкина, приведут в исполнение давнишние мечты и чаяния псковичей о создании во Пскове, как губернском центре, Пушкинского музея.

Цена 30 коп. зол.

3

С 1/1-51 г.
Цена = 30

«Акадесткий»
Цена 3 -
278 154 120

Того-же автора:

Пушкинский уголок. Псков, 1922 г. ц. 25 коп.

Новое о Пушкине. Критико-библиографический очерк
1924 г. ц. 30 коп.

**Пушкинские места в Порховском уезд., Псковской
губернии** (готовится к печати).

Взгляд художников на жизнь. Москва, 1913 г. ц. 40 к.

Русская художественная литература, как фактор
воспитания в школе. Петроград, 1915 г. ц. 50 коп.

Эстетика в школе. Петроград, 1916. г. ц. 40 коп.

Работа словесника в трудовой школе (готовится
к печати).